

ЕВГЕНИЙ ФЮЖЕН



ХРОНИКИ
ПЕРВОГО СВЕТА

Кристалльные Врата

ЕВГЕНИЙ ФЮЖЕН

Хроники Первого Света

«Автор»

2025

Фюжен Е.

Хроники Первого Света / Е. Фюжен — «Автор»,
2025 — (Кристалльные Врата)

За 5000 лет до основания Серебряного Царства. «Хроники Первого Света» рассказывают о Люции Первосвете, молодом алхимике из Академии Небесного Круга, чьи научные стремления приводят к открытию древней книги с запретными рунами. Проникнув в тайны магии, он сталкивается с испытаниями совести, противостояниями богов и тиранами-людьми, учится сочетать силу стихий с ответственностью и состраданием. В ряде великих сражений — с пантеоном богов, имперскими силами и собственными сомнениями — зарождается новый путь, где магия становится даром каждому, а не инструментом угнетения. Пестрый галереей образов проходят архимаги, жрецы стихий и легендарная жертва богини Астреи, чьи «Слёзы Справедливости» исцеляют расколотый мир. В финале герои создают Совет Свободных Магов и первый кодекс законов магии, закладывая «Завет сердец» — вечный завет свободы выбора, милосердия и ответственности.

© Фюжен Е., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава I. Мир без чудес	5
Глава II. Зов запретного	6
Глава III. Небесный суд	8
Глава IV. Учитель и ученик	9
Глава V. Первое заклинание	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Евгений Фюжен

Хроники Первого Света

Глава I. Мир без чудес

В детстве Люций Первосвет не верил в чудеса. Каждый рассвет академии Небесного Круга открывал ему мир, где не было места волшебству: мраморные башни, устремлённые к облакам, казались построенными не руками богов, а простой геометрией разума, а неумолимые часы, отмерявшие дни учёбы, звучали точнее любого колдовства. Здесь, среди зеркальных куполов и палитры вечных облаков, люди жили по законам науки, а боги смотрели свысока, не вмешиваясь в земные дела.

Люций посвятил себя алхимии. В лабораториях Небесного Круга он вываривал зелья из луговых трав и кристаллов древних каменоломен, смешивал эфиры, рассчитывал формулы, не оставляя места случайности. Но чем глубже он погружался в металлографию и светилку физики, тем сильнее чувствовал пустоту: его формулы приносили лишь поправки к законам мира, тогда как в сердце требовались ответы куда более живые.

Однажды по случаю ежегодного праздника Интеграла – дня памяти великих учёных – Люций спустился в подземелья академии. Там, среди колонн, усыпленных мхом, и запylённых витражей, он обнаружил запечатанную нишу. Изломанная печать говорила об огромной давности, а табличка, вырезанная древними рунами, гласила: «Знание, коему нет цены».

С трепетом Люций стер пыль и прочёл слова, размеченные кроваво-красным слоем затёртого воска. Он чувствовал, как стук сердца разгоняет кровь в жилах: никто из поколений учёных Небесного Круга не решался спуститься сюда, где, по легендам, скрывались книги, запрещённые богами.

Вернувшись к свету глефа, он запер нишу и ушёл, но мысли его остались под землёй, среди руин. К вечеру он уже приносил шаль из лабораторного халата, в которой хранились хозяйственные инструменты, и тайком пробрался обратно. Факел выхватывал из тьмы руины, где каждый шаг отзывался эхом давно утерянных голосов.

– Если знание здесь, – шептал он себе, – значит, миру нужна смелость, чтобы его принять.

В нише он отыскал книгу в кожаной обложке, покрытую темной патиной времени. Страницы были исписаны не привычными алфавитами, а переплетены линиями, похожими на замысловатые орнаменты. Их смыслы ускользали от разума, пока Люций не почувствовал: руны отзываются гармонией, подобно тому, как лира отзывается вибрациями струн.

В ту ночь он не спал. Лаборатория, обычно освещённая холодным светом кристалла, вспыхивала в его руках зарницами возможного. Он пытался расшифровать символы, сопоставлять их с алхимическими формулами и геометрическими построениями, но чем больше понимал, тем яснее видел: это знание не подчиняется ни логике, ни опыту. Оно требует дара и воли, которые превышают разум.

Под утро он сел в кресло, держа книгу на коленях, и впервые ощутил страх не перед богами, а перед самим собою: что он сделает, если прикоснётся к запретному?

Узнав о древних знаниях, люди либо становились слугами силы, либо падали в бездну безумия. Но Люций понимал: отказаться значит предать себя, а рискнуть – значит бросить вызов богам.

Он закрыл книгу и, сквозь мутный туман утреннего рассвета, посмотрел в окно: мраморные башни блистали в первых лучах, но в его душе уже вилась искра иного света – света, предвещающего рождение магии. И тогда Люций, алхимик и философ, принял своё первое великое решение: он откроет путь к чуду, каким бы страшным оно ни было.

Глава II. Зов запретного

После открытия древней книги Люций Первосвет провёл бессонную ночь среди колб и реторт академии Небесного Круга, пытаясь устоять перед искушением. Он знал: порог, за которым скрывается запретное знание, – это не просто граница науки, но рубеж свободы, за которым таится бездна. Утром он принял решение: разобраться с таинственными рунами и ключом к магии до конца.

Под покровом ветхих архивных коридоров Люций устроил своё убежище. Он выстроил ряды свечей на старом дубовом столе рядом с пыльным томом и начал методично переписывать руны в свой дневник. Чёрнила скользили по пергаменту, как магма по горному склону, и каждый символ открывал перед ним новый мир.

Он заметил закономерность: узоры на страницах перекликались с формами цветочных лепестков и кристаллических граней, найденных им в полях академии. Смесь природы и геометрии указывала на синтез живого и неживого – основу будущей магии.

– Если алхимия соединяет стихии, то эти руны связывают жизнь с самой тканью сущего, – прошептал он, глядя на строки, что вздрагивали при касании пера.

Изучив комбинацию символов, Люций составил первую формулу – рецепт эфирного настоя, который должен открыть ум воспринимать неведомые вибрации мира. Он собрал в лаборатории травы цвета пепла, кристаллическую пыль и чистую родниковую воду, довёл смесь до полупрозрачного сиропа и капнул одну каплю на язык.

Минуту он просто сидел, пока мир вокруг не начал расплываться: звуки шагов в коридоре становились эхом мира, тени от свечей – стремительными призраками, а лёгкий порыв ветра сквозь щель окна напоминал дыхание незримого гостя. Затем он вздрогнул и открыл глаза.

– Я вижу... линии магии, – произнёс он охрипшим голосом. – Они повсюду: струятся по воздуху, пронизывают камень и кровь.

Эфир усилил восприятие до уровня, когда алхимические реакции казались живыми существами, шепчущими тайны. Но вместе с прозрением пришёл ужас: струи энергии тянулись к нему, как змеи, пытаясь ввергнуть в бездну. Люций с силой растворил настой, бросил сосуд об пол и упал на колени, клянясь больше не обращаться к этому зову.

На следующее утро в лабораторию заглянул архимаг Кассиус Звездочет. Он заметил следы бури – разбитый сосуд и дрожащую тень в глазах ученика.

– Ты нарушил клятву алхимика, – сказал Звездочет спокойно, но голос его звучал тяжело. – Знание – дар, но и проклятие, если без меры. Что ты видел?

Люций попытался объяснить прозрение: невидимые потоки, рунный орнамент мира, шёпот стихий. Но каждый его ответ казался Звездочету недостаточным.

– Магия пугает богов, – прошептал наставник, опираясь на посох. – Она сближает смерть и жизнь, но никогда не приходит без жертв. Я видел, как она сносит рассудок тех, кто верил, что сможет её обуздать.

– Но мы должны узнать, – упрямо возразил Люций. – Если не мы, то другие потянутся к этим знаниям, и они станут инструментом тирании. Лучше пусть сила магии войдёт в мир под моим контролем.

Звездочет помолчал, затем вынул из рукава маленький кожаный свиток:

– Это запретный трактат о первых магических ритуалах, написанный руки самого Ауресуса, дракона-пророка. В нём сказано: “Маг, что первым ступил по пути божественной силы, обрёл себя на одиночество и борьбу.”

Он положил свиток перед Люцием.

– Прочти и подумай, готов ли ты отказаться от жизни простого смертного ради тяжести божественного дара.

Вечером Люций заперся в архиве, держа трактат под лампой. Каждое слово было пропитано древним знанием: как вызывать духи стихий, как творить иллюзии и влиять на мысли. Но по краям страниц стояли мрачные предупреждения:

“Не используй магию для правления над душами. Душа – храм, не перстень.”

“Драконы предвидят падение мира, когда люди захватят небеса.”

Слёзы стекали по щекам Люция: он понимал, что стоит на пороге величайшего открытия и величайшей опасности. Магия обещала бессмертие и власть, но потребует расплаты.

Ночью, выйдя в сад академии, Люций посмотрел на звёзды, что даровали мудрость предкам. Под ногами закрипел иней, но в сердце его горел пламень выбора:

– Я не отступлю, – прошептал он, – но обязуюсь держать волю людей свободной. Истина превыше страха, а свет знания – выше тьмы незнания.

И он вернулся в лабораторию, чтобы продолжить свой путь: путь, который открыл мост между богами и людьми, но не мог избежать испытания совести. Магия столь же прекрасна, сколь опасна, и первый шаг по ней требовал не меньше мужества, чем все те, что пройдут после него.

Глава III. Небесный суд

Нежные отблески зари ещё не растопили ночной холод, когда по мраморным мостовым Академии Небесного Круга поползли слухи о первом человеческом призыве скрытой силы. Люций Первосвет, захваченный мечтой открыть покровы мироздания, уже ощущал дыхание невидимого Хранителя – не бога, а самой магии, что дремлет между звёздами и камнем. Легенды гласили: когда смертный переступает грань дозволенного, тревожат высшие сферы. И вот расслышали боги шёпот рун и отзвуки хрустальных заклинаний, и их гнев заорал, глубокий как бездна, над безвинным миром.

В Чердаке Семи Облаков, где дорожки из серебра сплетают небеса, собрались Звелинна, Верховная Мать Зари, и её соратники – боги стихий и судеб. Они взирали с высоты на мир земной, словно на муравейник, и гнев искрился в их глазах, когда поняли: тайны, дарованные лишь одним касанием кристалла, теперь уже не у них под охраной.

– Как смеет этот смертный вторгаться в святилище божественного порядка? – вопила Звелинна, и её голос исходил из облака грома, взбудораживая ветер. – Мы даровали людям только пищу и плоть, а он крадёт огонь богов!

Владыка Времён, древний и безмятежный, вздохнул, опуская песочные часы тысячелетий:

– Не может запрет навсегда закрыть путь познания. Каждый век рождает героя, что требует свободы. Ибо даже мы, бессмертные, учимся, глядя на одно лишь мгновение жизни.

Но крик гнева был сильнее слов разума. В поднебесье поднялись раскаты судебного процесса: Люция осуждали за дерзость и дерзновение, за мужество и самоотверженность. Хрустальные весы взвешивали его деяния против закона, выкованного на заре миров, а столпы облаков дрожали от напряжения.

И тогда Богиня Астрея, свет сияния и справедливости, выступила вперёд. Её лицо отражало сострадание к людям, и сердце её, созданное из чистого света, дрожало перед надвигающейся жестокостью. Она подняла ладонь:

– Милосердие – высшая сила. Люций не дерзнул уничтожить богов, но лишь ощутил в себе право на выбор. Истина его не промахнулась: в поисках света он не обжигал чужую плоть, а рисовал дороги духа. Позвольте ему доказать, что магия – не цепь, но крылья.

Её слова звучали, как прибой, смывающий песчаные зубцы гнева. Высшие боги замолчали, отражая в своих глазах тяжесть вечности. Мать Зари прикоснулась к перу серебряного пера и вычеркнула изгнание из запретов, открыв Люцию временную амнистию.

– Он пройдёт через испытания Академии, – постановила Астрея. – Если душа его останется чиста, мы даруем людям ключ к магии. Но если он утратит меру, пусть сам обрушит на себя карающий свет.

И в тот миг подземельная ниша, где было найдено древнее знание, засияла слабым отблеском небесного благословения: путь к магии остаётся открытым, но лишь для избранных, чьи сердца сильнее страха и чести их не подведут. Так завершился Небесный суд, и первый шаг Люция на тернистый путь обернулся не проклятием, а первым благословением.

Глава IV. Учитель и ученик

Весенние ветви акаций зашумели над террасой Академии, когда Люций Первосвет впервые остался один на один с Архимагом Кассиусом Звездочетом. По коридорам медицинского крыла доносился лёгкий скрип сапог – ученики спешили на утренние лекции, не догадываясь, что за каменными арками вершится тайная битва умов.

Кассиус, седой, но с глазами, полными живой пылающей искры, закрыл за ними дверь и пригласил ученика присесть на мраморный скамей. В руках у него мерцал древний том “Cosmos Argana” – книга, которая хранила первые наблюдения драконов о природе магии.

– Ты вступил на путь, что ведёт к осознанию величайшей силы, – начал маг, голос его звучал глубоко и размеренно. – Но истинная проблема не состоит в том, чтобы выучить формулы. Проблема – не сломить природу, а понять её закономерности.

Люций, опустив взгляд на брошюру с чертежами рун, высказал сомнения:

– Мастер, формулы из книги не совпадают с тем, что я видел в подземельях. Руны пульсировали иначе, чем в теории. Ваши уравнения описывают лишь половину картины.

Кассиус кивнул, поглаживая бороду:

– Именно. Книга – это карта, а не территория. Территория меняется, когда ты в неё входишь. Ты должен научиться считывать не только линии рукописей, но и отклик самой магии.

– Но как отличить истинный отклик от моих иллюзий? – спросил Люций, глядя в глаза наставника. – Я испытал эфирный настой: мир задрожал, как будто дрожь камня. Но эту дрожь мог создать страх, а не сила стихий.

– Именно об этом я хочу поговорить. – Кассиус встал и вышел к окну, где ветви акаций скользили по утреннему свету. – Иллюзия и реальность – две стороны одной медали. Мудрость не в том, чтобы отвергать иллюзии, но в том, чтобы использовать их как ступень к постижению истины.

Он повернулся, держа в руках хрустальный шар:

– Посмотри в этот шар и не думай, что там найдётся ответ. В нём лишь отражение твоего желания. В любой магии есть зеркало: оно показывает или украшает, или искажает. Твоя задача – не бояться этих отражений, а научиться распознавать в них действительное.

Люций поднял шар и увидел в нём не собственное лицо, а вихрь светящихся линий, которые вибрировали и распадались, соединяясь снова. Сердце его сжалось от восторга и страха.

– А если я увижу в нём то, чего боюсь? – выдохнул он.

– Тогда примешь страх как учителя, – ответил Кассиус. – Ибо страх – первый ключ к пониманию силы. Без сна нет бодрствования, без пустоты – звука. Магия живёт в промежутках: между известным и неизвестным, между доверием и сомнением.

Люций опустил шар и поклонился:

– Спасибо, учитель. Я понял: формулы и заклинания – лишь начало, но душа мага – его истинный жезл.

Кассиус улыбнулся, похлопал ученика по плечу и открыл книгу:

– Тогда мы приступим к практике. Сегодня на уроке мы создадим не один эликсир, а сотни их вариаций. Ты будешь менять пропорции и наблюдать, как дрожит магический поток. Только так ты научишься читать «звёздные знаки» алхимии и создашь свой, неповторимый ритм магии.

И на каменном столе заискрились сотни флаконов, обещая открытие истинного пути от иллюзий к закону, от страха к силе – урок, который перевернёт жизни учителя и ученика, заставив их вместе пройти дорогу к зареву Первого Света.

Глава V. Первое заклинание

Летний полдень спустился на Академию, когда Люций Первосвет вернулся в Тайную Лабораторию Кассиуса Звездочета. Воздух в зале, обычно прохладный и сухой, теперь дрожал от жара от горелок и от напряжённого ожидания: сегодня должна была свершиться первая проба настоящей магии.

На длинном дубовом столе стояли сосуды с эфирными эссенциями: сок мраскового дреза, кристаллы лунного кварца, капли рассветного росы и шепотка пепла из костей древних драконов. Ряды флаконов напоминали радугу, переливаясь всеми оттенками, но над ними нависал вопрос: верно ли смешать компоненты, чтобы получить не иллюзию силы, а её реальный зов?

Кассиус обошёл стол, касаясь каждого сосуда и тихо напевая древнюю формулу. Он остановился у Люция:

– Помни: заклинание не рождается в словах, и не в смешении трав. Оно зреет в намерении, готовом подчинить разум стихиям.

Люций кивнул, сжимая в ладони свиток с рунами первого заклинания.

В центре лаборатории, под сводом расписным рунами, Люций встал босиком на круг из порошка серебристого пепла. Его сердце билось так громко, что он мог бы поклясться – боги слышат этот звук.

Кассиус отступил на нужное расстояние и поднял посох, увенчанный осколком звездного метеорита. Его голос прозвучал как раскат грома:

– Мы зовём силу, что спит во впадинах земли и в глубинах неба. Пусть руны пробудят её, и пусть она подчинится твоей воле, смертный.

Люций медленно развернул свиток и прочёл вслух:

«Силы праматерии, узами рун скованные,

Я прошу вас из мрака возжечь свет вечный.

Пусть луна хранит путь, а солнце даёт силу,

Я – дитя света и тени – принимаю вас в своём сердце.»

Как только он произнёс последнее слово, в воздухе застряли невидимые струны. Зал начал вибрировать: факелы дрогнули, эхо заклинания качнулось по стенам. Затем, точно будто отражённый луч, от кристалла в посохе Кассиуса рванул свет, меняя его оттенки от серебристого к золотому.

Искра вырвалась из круга на полу – сначала едва заметное свечение, затем нисходящий поток энергии, пробивший таблицу алхимических олова. Сосуды затряслись, и эфирные эссенции взметнулись вихрем, смешиваясь в единую зарю света.

Люций почувствовал, как сила нежно охватила его тело: тепло разлилось по венам, а разум наполнился голосом самой магии – не словом, а музыкой стихий. Его руки задрожали, но не от страха, а от восторга.

Но через мгновение восторг сменился ударом: энергия магмы рун послала волну, угрожающую разрушить сосуды и зло инкрустировать лабораторию тьмой. Люций, вспомнив наставление Кассиуса, сосредоточился: он представил себе покойные воды озера, в которые падают капли дождя, – и в мгновение ока поток обуздался.

Шар света вокруг него замер и, точно от отклика музыки, принял форму крошечной сферы, парящей над ладонью. Кристаллические брызги эфира затрепетали, а затем, как живое создание, дрогнули и стали потоком голубых искр, спускаясь в предназначенный сосуд.

– Ты сделал это, – голос Кассиуса прозвучал спокойнее, чем когда-либо. – Магия признала тебя.

Люций опустил руки и, ошеломлённый, посмотрел на пульсирующую сферу. Но вместо триумфального восторга в сердце его закралось смятение: за сладким вкусом силы следовала горечь ответственности.

– Я чувствовал... – начал он, но не мог продолжить.

Кассиус подошёл и положил руку на плечо:

– Истинное заклинание – это не завоевание стихий, а союз с ними. Сегодня ты не покорил магию, а пригласил её в союз. Но будь осторожен: сила любит тех, кто боится её потерять.

Люций опустил взгляд на книгу с рунами. Перед ним лежал не просто документ, а путёвка в мир, где каждое слово может обернуться чудом или трагедией. Он крепко сжал свиток:

– Я сделаю всё, чтобы магия прославила жизнь, а не погубила её.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.